

«У ПИСАТЕЛЕЙ ЕСТЬ
ИНСТИНКТ УЧИТЬ, ИСПРАВЛЯТЬ,
ПЕРЕДЕЛЫВАТЬ...» 3

Интервью с Романом Сенчиным

МУЗЫКА
КОНСЕРВАТИВНЫХ
БУНТАРЕЙ
10

ИЗ ЖИЗНИ
МОСКОВСКИХ
КРОКОДИЛОВ
28

#12-13
(2388-2389)

книжное обозрение

WWW.KNIGOBOZ.RU

выходит с 5 мая 1966 года

10 МАГИЯ
ЛИМОННОГО
ПИРОГА
и другие секреты
семейства Вуду

13 ЦИТИРУЮТ
ЛИ СОБАКИ
ТОЛСТОГО?
Тим Макхью – о любви
к животным и литературе

29 ЗЕМНЫЕ
ИГРЫ
БОГОВ
Вся правда о людях –
от Бьянки Питцорно

НОВОСТИ

Чтение на осень

В этом году книжная осень настанет в столице рано. 27-я Московская международная книжная выставка-ярмарка откроет свои двери уже 3 сентября и продлится до 7 сентября.

Посетителей ММКВЯ ждет множество интересных литературных встреч. Представлять свои книги и отвечать на вопросы читателей будут Татьяна Толстая, Дмитрий Быков, Майя Кучерская, Марина Степнова, Борис Акунин, Елена Чижова, Анна Матвеева, Денис Драгунский, Алексей Варламов, Мастер Чэнь, Андрей Иванов, Алексей Слаповский, Евгений Водолазкин, Павел Басинский, Юнна Мориц, Захар Прилепин и многие другие.

Как обычно, в рамках выставки-ярмарки пройдут торжественная церемония награждения победителей ежегодного Национального конкурса «Книга года» и торжественная церемония награждения лауреатов и номинантов VII Всероссийского конкурса книжной иллюстрации «Образ книги». На детской площадке развернется Фестиваль детской познавательной и прикладной литературы «Читай! Умей! Живи ярко!»

Вот уже несколько лет осеннее книжное действо не ограничивается павильоном ВВЦ. Немало интересного ждет посетителей «спутника» ММКВЯ – фестиваля Bookmarket, который пройдет в Парке культуры и отдыха «Красная Пресня». Книголюбов ждет общение с интересными зарубежными гостями – испанским автором захватывающих экзотических романов Альберто Васкесом-Фигероа и знаменитым французским беллетристом-философом Эриком-Эммануэлем Шмиттом. Также посетители Bookmarket смогут увидеть концерт Веры Полозковой, выступление группы «Несчастный случай» и музыкально-поэтический спектакль «Капель», где прозвучат стихи Беллы Ахмадулиной, Роберта Рождественского, Риммы Казаковой, песни из репертуара Майи Кристалинской, Анны Герман, Клавдии Шульженко.

Принцесса и её роли

Вспоминая Грейс Келли (стр. 11)

Читайте в выпуске «PRO»:
«Книжный рынок России» – доклад Роспечати;
Шорт-листы конкурсов «Книга года» и «Образ книги».
Напоминаем нашим читателям, что список новых книг, а также рейтинги бестселлеров зарубежной литературы вы сможете найти только в PROфессиональной версии «Книжного обозрения», распространяемого только по подписке.
Следующий номер «Книжного обозрения» выйдет 1 сентября с. г.

НОВОСТИ

КНИГА НЕДЕЛИ

Na zdravje!

Пить виски — занятие вдумчивое и достойное. Пить разный виски — еще и крайне интересное и познавательное, ибо в процессе того можно вместе с благородным продуктом выпитать «всякие интересности, которые непременно встречаются, особенно если задавать вопросы, внимательно слушать и постоянно быть начеку; это как форшлага в давно знакомой мелодии». Иэн Бэнкс именно из тех людей, которые умеют держать глаза и уши открытыми, поэтому книга у него получилась просто удивительная, — и не только потому, что стаканчик хорошего сингл молта всегда кстати. В своем отчете о путешествии по Шотландии, каковая, — и только она — может считаться страной-производителем настоящего скотча, Бэнкс рассказывает практически обо всем, что видит или вспоминает. Нормальный такой разговор «под граммульку».

Бэнкс И.
Чистый продукт: в поисках идеального виски / Пер. с англ. Е.Петровой.
М.: Эксмо, 2014. — 384 с. — (Интеллектуальный бестселлер). 3000 экз. (п) ISBN 978-5-699-72428-4

Он рассуждает, например, о сравнительных достоинствах Land Rover Defender 110 County Station Wagon Td5 и BMW M5 («первый автомобиль, с которым мне хватило терпения детализировать комплектацию»). Говорит о политике («смотрю на Блэра и ненавижу его самодовольную розжу»). О хищных птицах и выдрах («эти сволочи пожирают уток»). О курении, домашней баранине, писателях-фантастах, телесериалах, королях и капусте, сургуче и башмаках. Разумеется, не забывает о красотах пейзажа, в каждом уголке Шотландии находя свою прелесть.

Но, конечно, виски в буквальном смысле пропитывает каждую страницу. И тут, наряду с серьезными, порой наукообразными изысканиями о дистилляции, бутилировании и прочих хитростях изготовления данной жидкости, в силу вступает знаменитый юмор Бэнкса. Его наблюдения точны и беспощадны: «Если бутылку открыли и по какой-то уму непостижимой причине не допили, напиток в течение года-двух полностью выдыхается (Поражаюсь, каким образом удалось сделать такое открытие)». Так что — будем здоровы!

Дмитрий Малков

О быте, музыке и демонах

«Вы похожи на Азazelо!», — так однажды сказал во время телевизионного интервью Лев Новожёнов, обращаясь к своему знаменитому гостю. Что ж, может быть, Владимир Викторович Орлов и вправду был внешне на него немного похож, а может — во всём «виноваты» «Альтист Данилов», «Аптекарь» и «Шеврикука, или Любовь к привидению». Ведь именно эти фантастические истории — полные остроумного реализма, хотя и сочиненные в не сказочные 80-е, но воскрешающие в памяти героев Гофмана, Гоголя и Булгакова — именно они принесли их автору настоящую славу (роман о демоне и музыканте Данилове был издан в США, Германии, Франции, Японии и других странах). Впрочем, может, и не было бы никакой «сказки», если бы в 1944 году «мамаша» не продала «буханку хлеба» и не купила билет на «Щелкунчик». Роль Маши тогда исполнила мало кому известная балерина Майя Плисецкая, а среди зрителей, восхищенно следивших за действием, которое разворачивалось на сцене, был восьмилетний мальчик, еще недавно живший «под бомбежками». Вспоминая об этом событии 65 лет спустя, писатель скажет: «И это для меня была такая сказочная жизнь, без которой, я понял, нельзя человеку существовать».

Гофман был одним из его самых любимых писателей, Ван Эйк, подписывавший свои работы короткой фразой: «Как умею», — одним из самых любимых художников. «Вот и я пишу, как умею и как получится», — признавался Орлов, и никто точно не знал, лукавит он или говорит правду: «Я просто сочинитель, я не трибун, ничего такого».

Репортер «Советской России» и корреспондент «Комсомольской правды», автор повести «Что-то зазелено» (1971) и цикла очерков «Дорога длиною в семь сантиметров» (1960), романов «Соленный арбуз» (1965), «После дождичка в четверг» (1968) и «Происшествие в Никольском» (1972), лауреат премии Москвы в области литературы и искусства, а также премии имени Валентина Катаева, профессор кафедры литературного мастерства Литературного института им. Горького, Владимир Орлов скончался 5 августа в Москве на 78 году жизни после продолжительной болезни.

Город написал книгу

В Испании вышла книга, которую можно смело назвать шедевром коллективного творчества, — число ее авторов равняется 445. Таково число жителей городка Ла-Фрекенды, которые решили увековечить свою «малую родину» в литературе и написали о ней книгу всем городом. Замысел был обусловлен тем, что Ла-Фрекенда находится в провинции Саламанка, совсем не далеко от Португалии, поэтому многие испанские слова, употребляемые жителями города, имеют несколько другой смысл, а поговорки и песни бывают непонятны жителям близлежащих селений.

Получившееся издание называется «De Caraba», или «Cosas Nuestras» («Наше») его объем 165 страниц. В книгу вошло более 1100 слов, разговор, песен, географических названий, прозвищ и имен, а также описаний обычаев, принадлежащих к новейшей истории города.

Издания, отрецензированные в номере

Grumpy Cat. Сердитая книга от самой сердитой кошки в мире	32
Бакли Д. Publication: 64-битная история Kraftwerk	25
Батракова Н. Экстрасистолы любви. Монолог Женщины	14
Бутромеев В. Земля и люди. Краткая топография места и времени	14
Горюнова И. Король-Рысь	28
Громов А. Полководцы Второй мировой. Красная армия против Вермахта	12
Дэй М. Мистер Вуду и дни недели	10
Евдокимова Н. Конец света	29
Жоли Е. Принцесса Монако. Две жизни Грейс Келли	11
Ишрак: Ежегодник исламской философии: 2014. № 5	19
Клейн Л. Расшифрованная «Илиада»	19
Кравченко А. Перелетные дети	28
Макхью Т. Иван. Жизнь, любовь и поводок глазами собаки	13
Мур Г. Дневник Шерлока Холмса	24
Очарованный остров: Новые сказки об Италии ..	10

Питцорно Б. Диана, Купидон и Командор ...	29
Под сенью двуглавых орлов: Военный союз Австрийской и Российской империй 1813-1815/Сост. А.М. Валькович	19
Робинсон Дж. Принцесса Монако	11
Сарсенова К. Вдохновение жизнью: Стихотворения	19
Саша Кругосветов. Архипелаг Блуждающих Огней	20
Смыслов О. Плен. Жизнь и смерть в немецких лагерях	19
Спирин Д. Тупой панк-рок для интеллектуалов	25
Степанян Е. Лондон Париж	19
Томас Д. Казнь Шерлока Холмса	21
Троцкий Л. Руководить - значит предвидеть ..	19
Уиллоу Уилсон Дж. Алиф-невидимка	20
Фрост М. Список семи	24
Холден В. Угги. Моя жизнь	13
Широкоград А. Великая контрибуция. Что СССР получил после войны	19
Элементарно, Ватсон!	21

Гений случайных встреч

6 августа исполнилось 100 лет со дня рождения Хулио Кортасара. Один из отцов «нового латиноамериканского романа» для всего мира, для нас он еще и золотой классик позднесоветского интеллигентского чтения, счастливо избежавший превращения в сувенир перестроечной эпохи. Кортасар — писатель-эпоха и писатель вне пространства и времени.

Для одних его магия — это на всю жизнь полюбившаяся атмосфера джаза, юного раздолбайства и горького матэ, который, как известно «как абзац. Выпил — и можешь начинать с красной строки». Для других — иррациональный ужас, талантливо спрятанный в каждой молекуле мира, где врата в ад открываются в автомобильной пробке, языческом божестве, фотографии, в вашем собственном доме, который внезапно кто-то захватил, или даже в рукаве колючего шерстяного свитера. Для третьих — балаганчик хронопов, фамов и надеек, один из признанных перлов философской юмористической фантастики XX века. Для четвертых он — просто тот, кто вдохновил Антониони на великий фильм «Фотоувеличение», и этого более чем достаточно. И все это — Хулио Кортасар.

Для кого-то кортасаровский феномен — «Захваченный дом», «Мы так любили Гленду», «Все огни огонь», ошеломляющие вспышки малой прозы о невыносимой хрупкости реальности. Для кого-то — «Выигрыши», «Игра в классики», «62. Модель для сборки», неспешные, затягивающие шедевры прозы большой, уникальные литературные механизмы, в которых процесс чтения как такового оказывается не менее — или даже и более — важен, чем факты и персонажи. Сам писатель считал, что «роман побеждает всегда по очкам, рассказ должен выиграть нокаутом». Аргентинский волшебник одинаково гениально умел пугать и умиротворять, разрушать вселенную молотом абсурда и возрождать ее из праха, причем так, чтобы в ней можно было жить, слушать хорошую музыку и пить матэ. Его магия была не всегда безопасной, но никогда — злой. А непредсказуемость его прозы на самом деле вовсе не непредсказуема. «Случайная встреча — самая неслучайная вещь на свете, а люди, что назначают точное время и место свидания — это те самые, которые пишут только на разлинованной бумаге и выдавливают зубную пасту из тюбика, обязательно начиная снизу».

Владимир книжный

Владимирская городская литературная премия присуждена Татьяне Андреевой — автору книги «Двенадцать историй, рассказанных в планетарии». Соответствующее постановление подписал глава городской администрации Андрей Шохин. Книга Андреевой — сборник, составленный на основе творческих бесед, проводившихся во Владимирском планетарии в рамках проекта «Звездная гостиная».

Владимирская премия вручается раз в два года. В этом состоится четвертая церемония награждения.

Выбор редакции

1 Роман «14-й» вырос из военного дневника, обнаруженного среди бумаг одного из родственников жены писателя-детективщика Жана Эшноза — и стал одним из самых ярких современных произведений о Первой мировой. Опираясь на множество документальных исследований, Эшноз рассказывает о войне с трагической интимностью, «с высоты человеческого роста».

Эшноз Ж.
14-й / Пер. с фр. Н.Мавлевич.
СПб.: Издательство Ивана Лимбаха. 2014. — 128 с.

2 Однажды толстая, некрасивая и никому не нужная девочка Мэдисон Спенсер умерла и попала в Ад. О том, что она там натворила, когда ей надоело жалеть себя и захотелось повеселиться и поднять самооценку, Чак Паланик рассказывал в «Проклятых». Вторая часть его черно-юмористического триллера повествует о том, как Мэдисон добралась до Чистилища.

Паланик Ч.
Обреченные / Пер. с англ. В.Егорова.
М.:АСТ, 2014. — 350 с.

3 Вам никогда не хотелось — а может, постоянно хочется? — просто забраться в постель, спрятаться под одеяло, а мир пусть сам выкручивается? Героиня последнего романа Сью Таунсенд в один прекрасный день так и поступила. Хотите узнать, как изменить мир, просто валяясь в постели — читайте «Женщину, которая легла в кровать а год».

Таунсенд С.
Женщина, которая легла в кровать на год / Пер. с англ. Л. Милинкой.
М.: Фантом Пресс, 2014. — 416 с.

«Аполитичные писатели мне неинтересны»

Беседовал
Рубен Ишханян

Роман Сенчин — один из самых талантливых, ярких, успешных представителей нового поколения современной литературы. Его имя часто связано с понятием «новый реализм», а порой некоторые даже полагают, что «новый реализм» — это исключительно Роман Сенчин. В беседе с ним, мы попробовали затронуть тему языка, судьбы романа и его отношении к современной литературе, героям и людям.

— Вы начали писать с детства. Что повлияло? И можно ли утверждать, что писателем рождаются, а не становятся?

— Да, писать стал лет в двенадцать. Сначала подражал Вальтеру Скотту, Жюль Верну, Стивенсону. Немного позже стал обращать внимание на окружающую меня жизнь, чем занимаюсь и по сей день... Что повлияло? Может, то, что мой отец был равнодушен к писательству, у нас дома была большая библиотека. Но сидеть и писать в тетрадку меня заставляла нелюбовь делать уроки, и вместо них я сочинял разные истории. Родители видели, что сижу за столом, что-то пишу, и были спокойны. И очень удивлялись, когда узнавали, что я нахватал плохих оценок: вроде учу, а результаты плачевные. В том, что я пишу рассказы, а иногда и замахиваюсь на нечто большее, я осознал много позже. Публиковаться же стал уже после возвращения из армии, году в 1994-м.

Я не думаю, что писателями рождаются, не верю в то, что у одних есть талант писателя, а у других нет. Вообще, по-моему, каждый может, да и должен записать свою жизнь или хотя бы те истории из своей жизни, которые его поразили...

— Вы окончили литературный институт. Споры о том, нужен ли институт, чтобы стать создателем словесных произведений, до сих пор не утихают. Что вам дало образование? К чему вы пришли за годы учебы?

— Ну, во-первых, Литературный институт необходим для того, чтобы образовывать юных литераторов. Читать им лекции о том, что было в литературе до них, что происходит сейчас. Рассказывать о богатстве русского языка. В институте было, да и еще осталось немало прекрасных преподавателей. Конечно, очень важны творческие семинары. Правда, далеко не все мастера по-настоящему болеют за своих учеников, не являются наставниками. А задача этих семинаров — зарядить студентов на творчество. Наш мастер, писатель Александр Рекемчук, заряжал так, что после семинаров хотелось свернуть горы. И до сих пор, иногда бывая у него на семинарах, я чувствую это, этот заряд.

Мне институт дал очень много. В 1996-м году, в двадцать четыре года, не имея никаких перспектив в той страшной и жестокой действительности, я получил возможность заниматься своим любимым делом, я попал к очень хорошему мастеру, на первом же курсе стал автором журнала «Знамя» и еженедельника «Литературная Россия». И наконец встретил

благодаря Литу девушку, которая стала моей женой и подарила мне двух дочерей.

— Знаю, что для вас в произведениях самое важное — язык, стиль, нежели герой и окружающий его мир. Какие проблемы в языке вас больше всего волнуют сейчас? И какие литературные тексты вы можете назвать у современных русскоязычных авторов, которые в той или иной степени соответствуют вашему требованию к языку.

— Наоборот — мне важнее персонажи и окружающий их мир. Язык и стиль лишь оружие, с помощью которых об этом можно рассказать. И когда содержание совпадает со стилем, получается произведение художественной литературы. Зачастую же или стиль затмевает содержание, или содержание излагается сухо, коряво... Честно говоря, я опасюсь стилистических экспериментов — нередко стиль начинает управлять автором. Я это не раз на себе испытывал. Я за свободу языка, особенно когда это касается художественной литературы. И нынешние попытки государства диктовать, налагать ограничения, очень тревожны. Нужно понимать, что государственный язык, литературный язык и язык художественной литературы, это разные вещи. В художественной литературе ограничивать себя должен лишь автор. В крайнем случае, ему могут советовать редакторы, которые есть в любом журнале, любом издательстве. Пусть там спорят, но заранее ставить автору ограничительные рогатки недопустимо. И это касается не только матерных слов или пресловутых заимствований, но и той неправомерности, которую мы видим почти и каждого большого писателя. Неправильно составляли слова Гоголь, Лев Толстой, Достоевский, Андрей Платонов и многие-многие другие. Чехов и Бунин, кстати, правила Толстого, но потом приходили к выводу, что правильно убивает нечто важное, без чего бы Толстой не был великим писателем.

— К вопросу о языке. Как вы относитесь к закону о мате, который вступил 1-го июля? Разногласий по этому поводу много.

— Я допускаю мат в литературе, и сам иногда употребляю его не только в своей устной речи. Бывает, что без подобного слова не обойтись, иногда нужно дать и поток мата. Никакие окказионализмы не подходят... В советское время с матом в литературе боролись, но пошло ли это на пользу литературе? У Шукшина есть рассказ «Мой зять украл машину дров», где герой обзывает тещу курвой. Ну не верится, что еще достаточно молодой человек произносит это слово —

он явно произносит другое, но автор не может его написать. И это снижает драматизм, вызывает чувство нечестности. А в другом рассказе герой то и дело употребляет «мля», хотя подразумевается другое.

К чему приведет вступивший в силу закон... Ну, формально теперь огромное количество книг не только современных авторов, но и Есенина, например, Маяковского, Шолохова, протопопа Аввакума, тома писем Пушкина, Чехова и многих других должны продаваться в целлофановой упаковке с пометкой «Нецензурная брань». Это, конечно, смешно. А вот грустно и тревожно в том плане, что вслед за матом литературу вполне могут начать ограничивать и в других гранях. Мат же по традиции (традицию установила императрица Анна Иоанновна) явился первым шагом.

— Как автору пяти романов, мне бы хотелось задать вопрос относительно этого жанра. Не кажется ли вам, что роман стоит перед угрозой потерять роль ведущей литературной формы, которую он приобрел в XIX–XX веке? Ведь считается, что после Пруста и Джойса уже невозможно что-либо создать новое.

— По-моему, сегодня романов почти нет. Огромные книги выходят, но это, как правило, однолинейные произведения, по большому счету повести.

Может, действительно новое по форме создать не удастся, но это не страшно. Уверен, появится настоящий большой писатель, титан, и все разговоры о смерти романа, литературы в целом — закончатся. На время закончатся, до того момента, когда потребуются новый титан.

— Альберто Моравиа говорил, что роман станет зеркалом того, что романист может присвоить себе и тем утвердить как истину. Он приходит к идее, что хотя писатели все больше стремятся экспериментировать с текстом, а это грозит превратить прозу в литературное упражнение, нежели в отражение социальных факторов, тем не менее, роман, одновременно являясь и сознанием автора, делает возможным и новый широкий охват социальных факторов. Что изменилось спустя практически полвека? Действительно ли художественный эксперимент охватил новый культурный пласт или же больше разрушил, чем создал? И на что способен современный роман?

— Я не решусь судить о мировой литературе, посмотрю на русскую литературу последних ста лет. В начале XX века, после «Воскресения»

Толстого, смерти Чехова литература переживала период экспериментов. Что-то тот период дал значительное (в первую очередь в поэзии), но больше разрушил. Пушкин и его последователи были действительно сброшены с парохода современности. И к Октябрьской революции Россия пришла практически без литературы. То есть, был не только кризис государственного устройства, но и литературы. Революция дала новые идеи, смыслы, язык, и меньше чем за десять лет (до завинчивания гаек под конец 20-х) появилось множество первоклассных писателей. Зазубрин, Булгаков, Шолохов, Катаев, Зощенко, Олеша, Леонов... С конца 20-х до середины 50-х шло постепенное затухание. И по содержанию и по форме почти ничего значительного не появлялось. Потом — оттепель. Новый расцвет. И с конца 60-х до конца 80-х новый период затухания. Перестройка, кстати сказать, не вызвала взрыва в современной тогда литературе — внимание издателей, читателей было направлено условно говоря на Набокова и Гумилева, а не на тогдашних писателей. В 90-е был правила постмодернизм, метафоризм, метаметафоризм, концептуализм и тому подобное. Лишь нулевые отчасти можно сравнить с 20-ми и 60-ми годами прошлого века. Появилось немало новых имен, ряд значительных произведений. Уверен, что это десятилетие не останется в истории литературы белым пятном. Причем вернувшийся в центр литпроцесса реализм не тот, что был в прошлом веке — он обновленный, впитавший в себя многое из других направлений. И, надеюсь, если не романы в строгом смысле слова, то нечто значительное мы еще прочитаем.

— Современные писатели в некоей степени политизированы. Как вы сказали в одном из интервью: «Политические взгляды у меня традиционны для писателя — мне все время не нравится то, что есть». Судя по этому, писатель — всегда «бунтующий человек»?

— Совершенно аполитичные писатели мне неинтересны. Да и почти нет таких. Впрочем, и писатель в Госдуме, в роли чиновника, это тоже не то. Представить себе Льва Толстого в Думе невозможно... У писателей есть инстинкт учить, исправлять, переделывать. Они могут проповедовать даже вроде бы глупости, но и в этих глупостях часто есть доля разумного и истинного. По-моему, писатель должен требовать от жизни невозможного, должен противостоять государству, потому что даже самое доброе государство — противоречит неким высшим законам мироустройства.

4 Валерий Шубинский, критик и историк литературы, разворачивает перед нами хронику событий внешней и внутренней жизни поэта-легенды, Николая Гумилева. Автор анализирует многочисленные воспоминания и отзывы современников Гумилева, письма и документы — в том числе неопубликованные.

Шубинский В.
Зодчий. Жизнь Николая Гумилева.
М.: АСТ; Corpus, 2014. — 736 с.

5 Если спортивный колумнист Хантер Томпсон начинает говорить о спорте, вы можете быть абсолютно уверены, что закончит он чем угодно кроме спорта — политикой, войной, социологией, моралью... Перед нами — последнее прижизненное издание произведений отца гонзо-журналистики и автора «Страх и ненависти в Лас-Вегасе».

Томпсон Х.
Наших бьют! Кровавый спорт, американская доктрина и водоворот тупости / Пер. с англ. А. Керви.; Н.Нарциссовой.
М.: Альпина нон-фикшн, 2014. — 298 с.

6 Что общего у непойманного убийцы, молчаливого ребенка, антиквара-вояки, миллиардера-мизантропа и мстительного поэта? Например, то, что у всех у них есть своя тайная слава — загадка, не имеющая никакого отношения к ролям, что они играют для других людей. И то, что каждый из них — герой рассказа новой книги Тонино Бенаквисты.

Бенаквиста Т.
Наша тайная слава / Пер. с фр. Л.Ефимова.
СПб.: Азбука; Азбука-Аттикус, 2014. — 256 с.

7 Домашние и хищные, чирикающие, поющие и загадочно молчаливые, пестрые, как турецкий ковер, и серые, как французские мышки, порхающие и прямоходящие, волшебные и настоящие — в этой прелестной книге, где собраны сказки, легенды и предания из разных уголков земли, сами птицы рассказывают истории, о которых не слышали даже взрослые.

Бальзамо Е.
Птичьи сказки / Пер. с фр. Г.Кабаковой; ил. П.Лежандр
М.: ФОРУМ: РЕДКАЯ ПТИЦА, 2014. — 128 с.